

Он вернулся в комнату, закрыл за собой дверь и продолжил разбирать свои карты, думая, что у него стало на одно дело меньше.

Теперь ему не нужно было выяснять, кто был хозяином каравана.

Старший сын из знатной семьи Тан, наследник пяти поколений, вполне заслуживал такого размаха.

Этот человек был широко известен в южных землях. В десять лет он уже сочинял стихи и мастерски управлял лошадьми. После года траура по матери, подсчитав дни, можно было понять, что он действительно должен был сдавать экзамены в этом году. В юности он был склонен к рыцарским подвигам, а к экзаменам относился легкомысленно — даже без них члены семьи Тан не испытывали бы никаких трудностей.

Говорили, что его характер был открытым и простым, с нотками духа древних мудрецов. Теперь, вспоминая, как губернатор Фэнчжоу льстил ему, казалось, что тот попал пальцем в небо.

Цянь Эрлан напевал песенку, заказал у слуги несколько закусок и большую тарелку пельменей, макая их в уксус и спокойно поедая, не проявляя ни малейшего намерения позвать Цзи Цзюэ к столу.

— Видимо, господин Цзи может насытиться одним вином, — беззаботно улыбнулся он, на лице появились ямочки.

Когда лекарь Чжао был поднят с обеденного стола Юаньбао, он тоже ел пельмени. Однако ему не нравилось макать их в уксус, он предпочитал соевый соус.

С набитым ртом он был вытасчен Юаньбао за дверь, схвачен за руки и посажен на лошадь.

— Что ты делаешь?! — кричал он, невнятно произнося слова.

Юаньбао, размахивая кнутом, холодно и коротко ответил:

— С Его Высочеством что-то не так.

— Что? — лекарь Чжао, испугавшись, подавился пельменем и начал кашлять, сидя на лошади.
— Я видел его несколько дней назад, он был в порядке.

Юаньбао молчал, лишь погонял лошадь.

Войдя в резиденцию, он схватил лекаря Чжао за ворот и потащил его в тёплый павильон, где находился Цзян Юань.

Лекарь Чжао, оторванный от земли, задохнулся от ворота и снова начал кашлять, лицо его покраснело.

Только когда его поставили перед Цзян Юанем, он смог немного ослабить воротник.

Цзян Юань всё ещё лежал на столе, Цзинь Инь стояла рядом, с подозрением глядя на Юаньбао.

Она не знала, что произошло, только слышала, как Юаньбао велел ей оставаться здесь. Теперь, увидев лекаря Чжао из медицинской палаты, она тоже начала волноваться.

Лекарь Чжао подошёл, перевернул Цзян Юаня, проверил пульс, и его лицо стало серьёзным и озадаченным.

Он поднял веки Цзян Юаня, сжал его подбородок и открыл рот, осмотрев язык.

Поглаживая бороду, он задумался. Цзинь Инь и Юаньбао затаили дыхание — они знали, что это означало размышления лекаря Чжао.

Лекарь Чжао прошелся несколько раз туда-сюда, прежде чем произнёс:

— Его Высочество просто пьян.

Юаньбао покачал головой:

— Как это возможно? На весеннем празднике он мог выпить несколько кувшинов такого вина без последствий.

— Сколько он выпил до этого?

— Несколько чашек.

Лекарь Чжао, указывая на Цзян Юаня, сердито сказал:

— Что это, если не пьянство? Он в полном порядке!

Он ещё раз взглянул на Юаньбао и спокойно добавил:

— Лучше приготовь своему господину отвар для протрезвления.

Продолжая гладить бороду, он вышел, неспешно бормоча:

— Новый год, не сердись, Новый год, не сердись...

Юаньбао поспешил проводить его, а Цзинь Инь, опершись головой на стол, лежала напротив Цзян Юаня, глядя на лёгкий румянец в уголке его глаза, и с сомнением прошептала:

— Он действительно пьян...

Цзи Цзюэ, проспав весь день, проснулся в первый день нового года. Снег снова покрыл крыши, предвещая богатый урожай.

Он надел недавно сшитый меховой плащ, обменялся с Цянь Эрланом несколькими приятными словами, как вдруг услышал, что прибыл гость.

Тан Ань действительно пришёл вовремя, принеся новогодние подарки для Цзи Цзюэ.

Он был эрудирован, остроумен, скромн и вежлив, обладал живым и прямым характером, быстро завязав с Цзи Цзюэ разговор о поэзии и литературе.

Он был первым на экзаменах в двенадцатый год Тяньюань, но из-за смерти матери вынужден был соблюдать траур год, пропустив прошлые экзамены, и теперь ждал следующих. Узнав, что Цзи Цзюэ тоже направляется в столицу для сдачи экзаменов, он быстро предложил ему присоединиться к себе.

Не в силах отказаться, они вместе отправились в путь на третий день нового года, выехав из Фэнчжоу, миновали Линьчжоу и направились прямо в столицу.

Карета семьи Тан была изготовлена искусными мастерами клана. Снаружи она выглядела скромно, но внутри была устроена так, что не тряслась даже на ухабистых дорогах, двигаясь так плавно, что они прибыли в столицу уже к шестнадцатому дню первого месяца.

Семья Тан была могущественной, и у Тан Аня в столице было много старых знакомых, так что он был занят обустройством и визитами. Цзи Цзюэ не хотел продолжать его беспокоить, поэтому они расстались в столице.

Он и Цянь Эрлан нашли гостиницу и устроились там, после чего Цянь Эрлан повёл его осматривать местные достопримечательности.

Вчера был праздник фонарей, и к тому же состоялась свадьба шестого принца с дочерью семьи Чжан. Весь город отменил комендантский час, и празднество длилось всю ночь. Сегодня утром, когда Цзи Цзюэ вошёл в город, на улицах всё ещё чувствовалась атмосфера праздника, когда тысячи дверей открылись и тысячи фонарей зажглись.

Столица была самым оживлённым сердцем Великой реки, полным жизни, но в то же время величественным и строгим, с высокими стенами.

Цзи Цзюэ шёл вдоль городской стены, наблюдая за множеством лавок с тканями и деньгами, переполненными чайными и виночерпиями, а также за яркими лотками мелких торговцев, чувствуя, что глаза разбегаются.

Окружающие здания стояли тесно друг к другу, а люди шли непрерывным потоком. Какая-то девушка обернулась, сняла вуаль и улыбнулась Цзи Цзюэ, её лицо было прекрасно, как цветы персика, вызывая зависть у окружающих.

Цянь Эрлан толкнул Цзи Цзюэ локтем:

— Она смотрит на тебя.

Цзи Цзюэ ответил:

— А может, на тебя?

Цянь Эрлан, жуя солодовый сахар, невнятно сказал:

— Если бы она смотрела на меня, это было бы здорово.

Они продолжали идти на север города, и по мере продвижения улицы становились всё более оживлёнными, а дома — всё более красивыми.

Цянь Эрлан указал на высокую стену на севере:

— Видишь ту улицу? Это Чанцзе.

Чанцзе не означало узкую и длинную улицу, слово «чан» было не описательным, а названием. Чанцзе называлась Чанцзе.

Хотя она действительно была длинной.

Это был самый престижный район столицы, где жили принцы, принцессы, высокопоставленные чиновники и знатные семьи, собравшие несметные богатства. У Тан Аня тоже был дом на Чанцзе, хотя он редко там останавливался.

Цзи Цзюэ поднял взгляд на высокую стену и даже увидел угол императорского дворца с чёрной крышей и фигурку всадника на фениксе.

У подножия стены стояло дерево белой сливы, нежно, как снег, оживляя угол Чанцзе, добавляя ему изысканности, раскрывая всю свою красоту.

Цзи Цзюэ, вдохновлённый, сделал шаг вперёд и сорвал ветку, сделав дерево ещё более изящным.

— Эх, ты, губитель цветов, — со смехом сказал Цянь Эрлан.

Цзи Цзюэ улыбнулся:

— Пора возвращаться.

Улицы по-прежнему были заполнены людьми, шумно и оживлённо.

Они повернули назад, но почти увлеклись толпой. Цзи Цзюэ, прикрывая рукавом ветку сливы, шёл осторожно.

Пройдя некоторое расстояние, они услышали, как сзади становились всё громче звуки копыт и колёс. Кто-то крикнул:

— Молодой господин впереди, дайте дорогу!

Он инстинктивно отклонился, но понял, что уступить дорогу невозможно. Лошадь позади него заржала, сделала несколько шагов вперёд и резко остановилась.

Цзи Цзюэ обернулся и увидел молодого человека лет двадцати, крепко держащего поводья, который с извиняющимся видом поклонился ему.

Судя по тому, как он остановил лошадь, можно было понять, что он был искусным наездником.

Цзи Цзюэ увидел, как он горько улыбнулся, отклонился назад и что-то шепнул занавеске.

По движению губ он понял, что тот сказал:

— Господин, дорога впереди перекрыта.

Цзи Цзюэ посмотрел на толпу на улице, затем на карету, подумав, что у хозяина этой кареты, видимо, не хватает сообразительности, чтобы не выезжать в такое время.

В карете на мгновение воцарилась тишина, занавеска шевельнулась, и появилась рука.

Рука была изящной, с длинными пальцами, чёткими суставами, аккуратно подстриженными ногтями, сияющими, как яшма, но при этом излучающими мужскую силу.

Занавеска была отодвинута этой рукой, и появилось лицо.

Лицо, одновременно прекрасное и величественное. Лицо, которое Цзи Цзюэ видел в прошлой

жизни.

Оно было моложе, чем в прошлой жизни, на несколько лет, но черты лица почти не изменились.

Изящные брови, слегка изогнутые, как крылья, и глаза, подобные фениксу, которые, увидев Цзи Цзюэ, слегка округлились, выражая лёгкое недоумение и детскую непосредственность.

Его Величество действительно был ещё юношей, лицо его было настолько нежным, что, казалось, можно было ущипнуть.

Цзи Цзюэ тоже был юношей.

Слова не могли передать глубину чувств, но их взгляды встретились, и в них отразилось множество невысказанных эмоций.

Цзян Юань смотрел в глаза Цзи Цзюэ, в которых отражалось его крошечное отражение.

Цзи Цзюэ смотрел в глаза Цзян Юаня и видел в них нечто другое.

Он нахмурился.

Карета, перекрывавшая дорогу, казалось, освободила проезд.

Цзи Цзюэ достал из рукава ветку сливы.

Он сделал это быстро, и срез ветки был неровным, оставив на его руке тонкую царапину.

Кареты и лошади продолжали двигаться, и они разошлись.

[Авторских примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16201/1453983>